

И.В. Ружицкий (Москва, Россия)

«Смех» Достоевского глазами лексикографа¹

Аннотация: Смех, комическое занимает центральное место в творчестве Достоевского, о чем говорит употребление самого слова ‘смех’, а также близких к нему по значению лексических единиц. Задача, решаемая в статье, – показать основные особенности этой лексемы, отраженные в словарной статье Словаря языка Достоевского, предполагающей многопараметровое лексикографическое представление идиоглоссы, ключевых для авторского идиостиля лексем. Расширяется перечень ситуаций смеха в текстах Достоевского, предложенный Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом, например, говорится о том, что интенцией смеха может служить желание скрыть отрицание персонажем каких-либо моральных норм, выделяется также компенсаторная функция смеха и др. Наибольшее внимание в статье уделяется анализу атрибутивных сочетаний слова ‘смех’, а также его нестандартного употребления. Наблюдения показывают, что «болезненный смех» встречается в основном в «Преступлении и наказании», «Идиоте» и «Братьях Карамазовых», наиболее известных и часто цитируемых произведениях Достоевского, что, возможно, послужило причиной обращения внимания ученых именно на такой смех. Круг определений «смеха радостного» намного шире. Делается вывод о том, что языковую личность Достоевского определяет в первую очередь *Homo Ridens*, «человек смеющийся».

Ключевые слова: *Homo Ridens*, Словарь языка Достоевского, тезаурус, идиоглосса, комическое, ситуации смеха, типы смеха

I.V. Ruzhitskiy (Moscow, Russia)

The Lexicographer's View on Dostoevsky's "Laugh"

Abstract: Comic takes a central place in Dostoevsky's prose, with *laugh* and *laugh*-related words being in regular use. The article seeks to show semantic and syntactic properties of the lexeme and its occurrences in Dostoevsky's stories and novels. This is done with the help of the Dictionary of Dostoevsky's Language which introduces key words in the writer's oeuvre. It is claimed that laugh serves to make up for something a character lacks, or it may withhold someone's immorality. Special emphasis is laid on irregular

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанных РФФИ научных проектов (грант № 15-04-00135).

uses of *laugh* and the attributive function of the word. Research pinpoints so-called unhealthy *laugh*, encountered in *Crime and Punishment*, *The Gambler*, and the *Brothers Karamazov*, most popular and most-cited Dostoevsky's novels, which helps to understand why researchers highlighted it. Laughing for joy is no less frequent, however. The article concludes that Dostoevsky's prime image is *Homo Ridens*, a person who laughs.

Key words: *Homo Ridens*, Dostoevsky's Language Dictionary, thesaurus, idioglossa, comical, situations of laugh, types of laugh

Ф.М. Достоевского сложно представить человеком смеющимся, чему, конечно, есть вполне конкретные причины: ранняя смерть матери, гибель отца, каторга, постоянная нужда... До 1864 г. Достоевский все-таки еще смеялся, смеялся он даже первые годы после каторги. П.И. Вейнберг так вспоминает об игре Достоевского в любительском спектакле «Ревизор»: «Я думаю, что никто из знавших Федора Михайловича в последние годы его жизни не может себе представить его комиком, притом комиком тонким, умеющим вызывать чисто гоголевский смех; а между тем, это было действительно так, и Достоевский-Щепкин был за немногими неважными исключениями безукоризнен...» (цит. по: [Летопись 1993: 291]). После 1864 г. Достоевский остался в памяти современников, о чем говорят многочисленные мемуары, как человек скорее *не-смеющийся*, мрачный, нелюдимый и т. п. Не каторга, но именно 1864 г. стал во многих отношениях для писателя переломным: смерть первой жены и любимого брата, участвовавшие припадки эпилепсии, проблемы с журналом «Эпоха», очень непростые, надрывные отношения с Ап. Суловой и т. д. Как итог – практически полное одиночество. Вместе с тем именно смех, комическое занимает центральное место в творчестве Достоевского начиная с самых первых его произведений и до конца жизни, до «Братьев Карамазовых», о чем, в частности, говорит употребление писателем самого слова *смех*, а также близких к нему по значению лексических единиц.

Герои Достоевского смеются чаще и больше, чем, например, персонажи Тургенева, Толстого или Лескова. Именно это, по всей видимости, дало основание Томасу Манну говорить о Достоевском как о «великом юмористе», о том, что творчество писателя проникнуто «необузданной стихией комического» (цит. по: [Назирова 1982: 117]), чему, казалось бы, трудно поверить, учитывая то количество смертей, убийств и самоубийств, болезней, надрывов и т. д., которые мы встречаем в его произведениях. В «Бесах» всего 39 персонажей – и треть из них погибает, в «Братьях Карамазовых», по подсчетам Л.И. Сараскиной, 43 смерти (см. [Сараскина: URL]). Какой же тут смех? И – главное – для чего смех?

Смех, специфический юмор Достоевского, роль и особенности комического в его произведениях исследовались с самых разных позиций, в основном философских и литературоведческих. М.М. Бахтин, исследуя творчество Рабле и Достоевского, создает целую концепцию смеха, где смех «агрессивен, монструозен, анархичен», он разрушает старое, способствуя тем самым обновлению жизни (см. [Кунильский 2007]). У Бахтина смех – это приближение к телесности, однако ученый ничего не говорил о смехе сочувствующем (князя Мышкина или, например, генерала Иволгина). Л.В. Карасёв рассматривал проблему смеха у Достоевского в философско-психологическом плане, выделяя две его разновидности: смех комического характера и смех злой, «бесовский» (см. [Карасёв 1996]). Достоевскому, на его взгляд, в подавляющем большинстве случаев присущ именно второй смех,

издевательско-бесовский, что, как мы полагаем, совершенно неверно, если говорить о всем корпусе текстов писателя.

Наша задача намного скромнее – показать основные особенности лексемы *смех*, отраженные в Словаре языка Достоевского, предполагающем многопараметровое лексикографическое представление идиоглосс, ключевых для авторского идиостиля лексем без каких-либо глобальных философских или литературоведчески-интерпретационных обобщений.

Ключевая роль смеха у Достоевского была отмечена Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом в статье *Homo Ridens* 1996 г. (см. [Караулов, Гинзбург 1996]). Проведенный лингвистический анализ текстов романов «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы» позволил выделить шесть разных «ситуаций смеха» у Достоевского/

1. Смех как звучание, смех как таковой, без дополнительных его характеристик и свойств:

Князь взял извозчика и отправился на Пески. В одной из Рождественских улиц он скоро отыскал один небольшой деревянный домик. К удивлению его, этот домик оказался красивым на вид, чистеньким, содержащимся в большом порядке, с палисадником, в котором росли цветы. Окна на улицу были открыты, и из них слышался резкий непрерывный говор, почти крик, точно кто-нибудь читал вслух или даже говорил речь; голос прерывался изредка **смехом** нескольких звонких голосов (Идиот).

2. Смех детский, т. е. смех от избытка радости, ощущения здоровья и жизни, как бы беспричинный (такой смех является в первую очередь характеристикой князя Мышкина):

Наконец Шнейдер мне высказал одну очень странную свою мысль, – это уж было перед самым моим отъездом, – он сказал мне, что он вполне убедился, что я сам совершенный ребенок, то есть вполне ребенок, что я только ростом и лицом похож на взрослого, но что развитием, душой, характером и, может быть, даже умом я не взрослый, и так и останусь, хотя бы я до шестидесяти лет прожил. Я очень смеялся: он, конечно, не прав, потому что какой же я маленький? Но одно только правда, я и в самом деле не люблю быть со взрослыми, с людьми, с большими, – и это я давно заметил, – не люблю, потому что не умею. Что бы они ни говорили со мной, как бы добры ко мне ни были, все-таки с ними мне всегда тяжело почему-то, и я ужасно рад, когда могу уйти поскорее к товарищам, а товарищи мои всегда были дети, но не потому, что я сам был ребенок, а потому, что меня просто тянуло к детям. Когда я, еще в начале моего житья в деревне, – вот когда я уходил тосковать один в горы, – когда я, бродя один, стал встречать иногда, особенно в полдень, когда выпускали из школы, всю эту ватагу, шумную, бегущую с их мешочками и грифельными досками, с криком, со **смехом**, с играми, то вся душа моя начинала вдруг стремиться к ним. Не знаю, но я стал ощущать какое-то чрезвычайно сильное и счастливое ощущение при каждой встрече с ними. Я останавливался и смеялся от счастья, глядя на их маленькие, мелькающие и вечно бегущие ножки, на мальчиков и девочек, бегущих вместе, на **смех** и слезы (потому что многие уже успевали подражаться, расплакаться, опять помириться и поиграть, покамест из школы до дому добежали), и я забывал тогда всю мою тоску (Идиот).

Отметим, что самое первое употребление существительного *смех* Достоевским именно в сочетании с прилагательным *детский*:

[Добросёлова] С виду он [молодой Покровский] был такой странный; так неловко ходил, так неловко раскланивался, так чудно говорил, что я сначала на него без **смеху** и смотреть не могла. Саша непрерывно над ним проказничала, особенно когда он нам уроки давал (Бедные люди).

Такой же смех у Мечтателя в «Белых ночах», у Саши в повести «Село Степанчиково и его обитатели» и др.

3. Смех над комическим, смех юмористического характера, когда смеются вестлой и беззлобной шутке, анекдоту, неожиданной игре слов или комичной ситуации (т. е. смех как реакция на смешное, на то, что своей интенцией имеет вызывание смеха):

Говоря это, он приблизился к Аглае. Она отняла платок, которым закрывала лицо, быстро взглянула на него и на всю его испуганную фигуру, сообразила его слова и вдруг разразилась хохотом прямо ему в глаза, – таким вестлым и неудержимым хохотом, таким смешным и насмешливым хохотом, что Аделаида первая не выдержала, особенно когда тоже поглядела на князя, бросилась к сестре, обняла её и захохотала таким же неудержимым, школьнически вестлым смехом, как и та. Глядя на них, вдруг стал улыбаться и князь <...> (Идиот).

Данный контекст интересен также насыщенностью лексем, входящих в семантическое поле СМЕХ: *смех, смеяться, хохот, хохотать, смешной, насмешливый, насмехаться, насмешка, усмешка, улыбаться, улыбка* и т. п.

4. Смех неверия тому, что говорит собеседник, неприятия всерьёз его утверждения:

[Ставрогин] Переменили тактику? | – Тактики нет. Теперь во всем ваша полная воля, то есть хотите сказать *да*, а хотите – скажете *нет*. Вот моя новая тактика. А о *нашем* деле не заикнусь до тех самых пор, пока сами не прикажете. Вы смеетесь? На здоровье; я и сам смеюсь. Но я теперь серьезно, серьезно, серьезно, хотя тот, кто так торопится, конечно, бездарен, не правда ли? Всё равно, пусть бездарен, а я серьезно, серьезно (Бесы).

В таких контекстах присутствует номинация смеха, но нет самого смеха, есть отрицание какого-либо утверждения, неверие чему-л.:

[Генерал] Наш бесценный Прохорыч там не на месте и, кажется, к утру его палатку снесут. Впрочем, смеюсь. Я только жду, какая это будет «кадриль ли-те-ра-туры», а там в постель. Простите старого подагрика, я ложусь рано, да и вам бы советовал ехать «спатиньки», как говорят *aux enfants* (Бесы).

5. Смех-издевка; этот смех мы, конечно, не найдем ни у Вареньки Доброселовой, ни у Сонечки Мармеладовой, ни у князя Мышкина, ни у старца Зосимы или Алеши Карамазова. Собственно говоря, эти персонажи Достоевского и не шутят, даже не пытаются шутить, тем не менее они могут быть радостны и веселы.

– Нет-с, позвольте-с, так нельзя-с! – закричал Лебедев, вскакивая и махая руками, как будто желая остановить начинавшийся всеобщий **смех**, – позвольте-с! С этими господами... эти все господа, – обернулся он вдруг к князю, – ведь это, в известных пунктах, вот что-с... – и он без церемонии постучал два раза по столу, отчего **смех** еще более усилился (Идиот).

Смех-издевка, смех-насмешка чаще встречается в публицистике:

Явилась потом смеющаяся маска Гоголя, с страшным могуществом **смеха**, – с могуществом, не выражавшимся так сильно еще никогда, ни в ком, нигде, ни в чьей литературе с тех пор, как создалась земля. И вот после этого **смеха** Гоголь умирает пред нами, уморив себя сам, в бессилии создать и в точности определить себе идеал, над которым бы он мог не смеяться; Это глумление чрезвычайно ловко и выгодно для всех «умеющих разрешать загадку жизни». Они имеют влияние даже на честнейших людей, незнакомых с делом, отбивая у них своими клеветами и **смехом** даже и охоту с ним знакомиться. К этому способу обыкновенно прибегал Фаддей Булгарин с компаниею.

6. Смех патологический, болезненный, смех человека, впавшего в истерию или близкого к помешательству; смех измененного или раздвоенного сознания:

[Ипполит] Имею честь просить вас ко мне на погребение, если только удостоите такой чести, и... всех, господа, вслед за генералом!.. Он опять **засмеялся**; но это был уже **смех** безумного. Лизавета Прокофьевна испуганно двинулась к нему и схватила его за руку. Он смотрел на нее пристально, с тем же **смехом**, но который уже не продолжался, а как бы остановился и застыл на его лице (Идиот).

Отметим, что эти шесть ситуаций смеха, а точнее было бы говорить о функциях смеха, или его интенциях, которые мы встречаем у Достоевского, следует расширить. Так, смех персонажей – демонических злодеев Достоевского (Валковский, Свидригайлов, Ставрогин, Иван Карамазов), а также персонажей-шутов (Фома Фомич, Ежевикин, Фердыщенко, капитан Лебядкин, Ф.П. Карамазов, отчасти Порфирий Петрович и Лебедев) может предполагать другие интенции, например желание скрыть отрицание персонажем любых моральных норм: «Да, я подлец, но это как бы и не всерьез». То есть смех в данном случае является своеобразной маской. Таких персонажей мы находим практически в любом крупном произведении Достоевского, начиная с романа «Униженные и оскорбленные».

Нельзя также забывать и об известной компенсаторной функции смеха (т. е. смех как своеобразная разрядка, реакция, наступающая после сильного психологического напряжения), проявление которой мы нередко встречаем в произведениях Достоевского (наиболее ярко – в «Преступлении и наказании», где постоянный страх Раскольникова часто сопровождается его смехом). Такой смех впоследствии стал предметом изучения психоаналитиков. И смех шутов – это не только желание рассмешить, но и стремление в, казалось бы, несерьезном высказать что-то важное. Есть еще и такая функция смеха, о которой говорил сам Достоевский, обрисовывая в своих заметках образ Порфирия Петровича, как «раздражить», – вывести из себя Раскольникова, чтобы тот проговорился в совершенном преступлении.

Приведем некоторые наблюдения, сделанные в ходе лексикографического описания слова смех. Прежде всего отметим довольно высокую частоту употребления: СМЕХ <519:444,67,8,->¹, СМЕЯТЬСЯ <1208:984,176,48,->. Относительная частота употребления глагола *смеяться* Достоевским существенно превышает его частоту употребления в текстах других значимых авторов XIX в.

В словарной статье Словаря языка Достоевского есть зона комментария, в которой фиксируются подчинительные связи описываемого слова. Первое, что обращает на себя внимание, – это разнообразие определений существительного *смех*, которые мы встречаем у Достоевского и которые позволяют отнести смех к той или иной ситуации из описанных выше, хотя сами эти функции смеха могут и пересекаться. Некоторые определения, очевидно, «заимствованы» Достоевским, например, *короткий деревянный смех* Д. Карамазова (2 раза + 1 раз *отрывистый деревянный смех* у него же). *Короткий деревянный смех* дважды встречается у Тургенева – в «Отцах и детях» и в «Дыме», произведениях, хорошо известных Достоевскому и написанных до «Братьев Карамазовых».

Повторы используемых Достоевским определений смеха очень редки (даже повторяющийся деревянный смех относится лишь к одному персонажу). Из повторяющихся определений отметим уже упомянутый выше детский, а также:

¹ Первой цифрой обозначается общая частота употребления слова в Полном собрании произведений Достоевского [Достоевский 1972–1990], затем после двоеточия следует частота употребления в художественной прозе, в публицистике, в личных письмах и в деловой корреспонденции (*смех* и *смеяться* в деловых письмах не встречаются).

веселый (4) веселый, молодой, беззаветный (1) визгливый (2) всеобщий (7) громкий (6) звонкий (3) звонкий, веселый (1) звонкий, здоровый, раскатистый (1) знакомый (2) истерический (1) истерический и беспредметный (1) маленький (1) маленький какой-то (1) милый (2) милый, дружественный, ласкающий (1) недавний (1) недавний, частый, насмешливый (1) нервический (2) нервный (1) нервный, болезненный (1) нервный длинный (1) нервный, истерический (1) нервный, мелкий, неслышный, долгий (1) нервный, неслышный (1) нервный, продолжительный (1) неслышный (1) неслышный, мелкий, нервический (1) неудержимый (1) неудержимый, школьнически веселый (1) общий (4) презрительный (2) самый веселый (1) самый веселый, беззаботный (1) самый веселый и ясный (1) самый веселый, самый неудержимый (1) самый простодушный (1) самый простодушный, самый детски-веселый (1) сверкающий (1) сверкающий, искрометный (2) светлый (2) светлый, свежий (1) самый неудержимый (2) самый неудержимый, самый детски веселый (1) самый неудержимый, самый неподдельный (1) самый откровенный (1) странный (2).

Частое использование определений *истерический*, *нервный* и т. п. (*нервный смех* у Достоевского употребляется примерно столько же раз, сколько и *нервный припадок*) характерно для писателя, однако *смех детский* и *веселый* и 'смех как таковой' явно преобладает.

Из единичных определений к такому патологическому смеху относятся следующие:

безумный, болезненно-нервический, длинный, нервный, сотрясающийся и неслышный, искривленный, какой-то неслышный длинный, нервозный и сотрясающийся, прерываемый рыданиями, припадочный, совершенно припадочный.

Этот смех отражают также другие подчинительные связи, например:

смех безумного (Идиот); **смех** превратился в нестерпимый кашель (Преступление и наказание); смеха припадок (Идиот); **после смеха** стать угрюмой, брюзгливой и раздражительной (Идиот); умирать (Публицистика); **после смеху** закатиться кашлем (Преступление и наказание); **при смехе** повеситься (Дневник писателя).

Такой болезненный смех встречается в основном в «Преступлении и наказании», «Идиоте» и «Братьях Карамазовых», произведениях, наиболее известных и наиболее часто цитируемых. Это, возможно, и послужило причиной того, что именно на такой смех в первую очередь обращают внимание (или потому, что на этот смех хочется обратить внимание). Тем не менее круг единичных определенных смеха 'радостного' намного шире:

в высшей степени простодушный, не развратный, здоровый, хотя и грубоватый, – совсем не такой, каким смеются иные размазыватели в нашем обществе или в нашей литературе (Дневник писателя); добрый (Идиот); здоровый (Бесы); не громкий, но залихватый, длинный, счастливый (Бесы); не злобный, а добрый (Братья Карамазовы); почти детский (Идиот); простодушный и веселый (Униженные и оскорбленные); радостный (Идиот); развеселый (Идиот); совершенно невинный, простой, беззаботный, ребяческий (Публицистика).

Зафиксированные в словарной статье подчинительные связи слова *смех* показывают и такую особенность идиостиля Достоевского, как частое использование тавтологических сочетаний *смеяться / рассмеяться / захохотать / расхохотаться* и т. п. **смехом**, в общей сложности их около 30, причем такие сочетания встречаются во всех периодах творчества писателя и во всех жанрах, это своеобразная константа идиостиля Достоевского.

Скажем несколько слов о других наиболее интересных особенностях употребления слова *смех* у Достоевского, позволяющих реконструировать соответствующее текстовое ассоциативное поле.

Отмеченные в зоне сочинительных связей комментария словарной статьи сочетания:

– с положительной коннотацией:

смех и веселье (Хозяйка); **смех** и веселость (Записки из Мёртвого дома); встретить и **смехом**, и весельем (Идиот); с самою детскою доверчивостью и еще со **смехом**, дрожавшим на губах (Идиот); всеобщее веселье, **смех** и резвый говор (Бесы); с их светлым **смехом** и светлыми глазками (Подросток); здоровый **смех** и веселую шутку (Бесы); с тем **смехом** и радостью (Дневник писателя);

– с отрицательной коннотацией:

грусть и **смех** (Бедные люди); **смех** и горе (Роман в письмах); навлек <...> злобу и **смех** (Неточка Незванова); **смех**, ругательства и тюканье (Записки из Мертвого дома); раздался **смех** и даже ругательства (Преступление и наказание); раздались прежний **смех** и ругательства (Преступление и наказание).

То есть примерно такое же количество, как и сочетаний с положительной коннотацией.

В примечаниях к этой зоне словарной статьи зафиксированы случаи повтора (повтор, наряду с амплификацией, – одна из самых любимых Достоевским фигур речи) слова *смех*, оба в «Преступлении и наказании»:

[Порфирий Петрович Раскольникову] **Смех-то, смех-то** ваш, как вошли тогда, помните, ведь вот точно сквозь стекло я все тогда угадал, а не жди я вас таким особенным образом, и в **смехе** вашем ничего бы не заметил (Преступление и наказание). [О девочке из сна Свидригайлова] Но вот уже она совсем перестала сдерживаться; это уже **смех**, явный **смех**; что-то нахальное, вызывающее светится в этом совсем не детском лице; это разврат, это лицо камелии, нахальное лицо продажной камелии из француженок (Преступление и наказание).

В амплификации и в параллелизме:

[Мечтатель] Отчего, скажите мне, Настенька, разговор так не вяжется у этих двух собеседников? отчего ни **смех**, ни какое-нибудь бойкое словцо не слетает с языка внезапно вошедшего и озадаченного приятеля, который в другом случае очень любит и **смех**, и бойкое словцо, и разговоры о прекрасном поле, и другие веселые темы? (Белые ночи) Он [Алеша] всегда рассказывал эту историю с восторгом, с детским простодушием, с звонким, веселым **смехом** <...> (Униженные и оскорбленные). Только в остроге я слышал рассказы о самых страшных, о самых неестественных поступках, о самых чудовищных убийствах, рассказанные с самым неудержимым, с самым детски веселым **смехом**. Особенно не выходит у меня из памяти один отцеубийца (Записки из Мертвого дома). А какое симпатичное, какое милое лицо у старшей дочери Лебедева, вот у той, которая стояла с ребенком, какое невинное, какое почти детское выражение и какой почти детский **смех**! (Идиот) [Великий инквизитор] Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют; глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к **смеху**, светлой радости и счастливой детской песенке (Братья Карамазовы).

В зевгме:

Это был человек лет под тридцать, росту высокого, толстый, жирный, с румяными, заплывшими жиром щеками, с белыми зубами и с ноздревским раскатистым смехом. По лицу его было видно, что это самый незадумывающийся человек в мире (Записки из

Мертвого дома). Он везде с своим карандашом и лорнетом и тоненьким, сытненьким **смехом** (Публицистика).

Не могут не обратить на себя внимания и многочисленные повторы в одном контексте однокоренных со словом *смех* слов, их функция та же самая, что и функция амплификации и параллельных конструкций, – усиление, нагнетание смысла. Приведем лишь наиболее характерные примеры, зафиксированные в зоне комментария словарной статьи:

[Неточка] Я отвечала ему нервным, истерическим **смехом** прямо в глаза, прошла смеясь мимо него и вошла, не переставая хохотать, к Александре Михайловне (Неточка Незванова). [Маленький герой] <...> старалась подавить свою краску **смехом**... Всё это, если взглянуть со стороны, конечно, было очень смешно; но в это мгновение одна пренаивная и неожиданная выходка спасла меня от всеобщего смеха <...> (Маленький герой). [Фома Серёже] Какое право вы имели выставлять на **смех** вашего доброго, вашего великодушного дядю, который вам сделал столько добра? Зачем вы хотели свалить на него смешное, когда сами были смешны? (Село Степанчиково и его обитатели) [Парадоксалист] Я тогда одолел, но Зверков, хоть и глуп был, но был весел и дерзок, а потому отсмеялся и даже так, что я, по правде, не совсем и одолел: **смех** остался на его стороне. Он потом еще несколько раз одолевал меня, но без злобы, а как-то так, шутя, мимоходом, смеясь (Записки из подполья). – Думаю, – серьезно отвечал он [Раскольников] помолчав. Настасья так и покатила со **смеху**. Она была из смешливых и, когда рассмешат, смеялась неслышно, колыхаясь и трясясь всем телом, до тех пор, что самой тошно уж становилось. (Преступление и наказание) – Вам смешно! Он быстро вырвал из моей руки свою руку, надел шляпу и, смеясь, смеясь уже настоящим **смехом**, вышел из квартиры (Преступление и наказание). [Аркадий] Если и не глуп его **смех**, но сам человек, рассмеявшись, стал вдруг почему-то для вас смешным, хотя бы даже немного, – то знайте, что в человеке том нет настоящего собственного достоинства, по крайней мере вполне (Подросток) – Представьте себе, что он женат, ну не **смех** ли, не ужасно ли это? И Lise всё смеялась своим нервным мелким смешком, лукаво смотря на Алешу (Братья Карамазовы). – Только я вижу, что вышло глупо... Lise засмеялась и закрыла лицо руками. – И в этом платье! – вырвалось у ней между **смехом**, но вдруг она перестала смеяться и стала вся серьезная, почти строгая (Братья Карамазовы).

В словарной статье Словаря языка Достоевского отмечаются также случаи нестандартного употребления описываемого слова, т. е. различного рода отклонения от современной языковой нормы, то, что заставляет читателя остановиться в процессе чтения:

все эти игры и **смехи** всех этих чиновных дам, более похожих на фей, чем на дам (Двойник); Аркадия Ивановича взял **смех** про себя (Слабое сердце); [Мармеладов Раскольникову] <...> вам, может быть, всё это в **смех**, как и прочим, и только беспокою я вас глупостию всех этим мизерных подробностей домашней жизни моей, ну а мне не в **смех** (Преступление и наказание); сказала она вдруг, прерывая веселый разговор и **смех** с окружающими (Идиот); смеялись более уже на его радостный **смех**, чем самим анекдотам (Идиот); поднял руку, потер ею лоб, потрянул своею мохнатою головой и, как будто решившись на все, шагнул два шага вперед и – вдруг фыркнул **смехом**, не громким, но залихватым, длинным, счастливым, от которого заколыхалась вся его дебелая масса и съезжились глазки (Бесы); с первых же слов валился неудержимым **смехом** (Дневник писателя).

Характерно также тропеическое употребление слова *смех* у Достоевского:

Какая-то странная улыбка медленно появилась на ее губах, словно **смех** пробивался сквозь эту улыбку (Хозяйка). **Смех** и веселье в первый раз засверкали в лице ее и иссушили грустные слезы на ее черных ресницах (Хозяйка). Неподвижный **смех**, мертвивший все существо Ордынова, не сходил с лица Катерины. Неистощимая насмешка ра-

зорвала на части его сердце (Хозяйка). Но когда она спрятала у сердца его свою голову, таким обнаженным, бесстыдным **смехом** засмеялась каждая черточка на лице старика, что ужасом обдало весь состав Ордынова (Хозяйка). Ордынов и Ярослав Ильич сделали друг другу по полупоклону, каждый с своего стула и несколько набок, и оба прикрыли возникшее недоумение извинительным **смехом** (Хозяйка). Гомерический, немолкаемый **смех** всем залпом своим накрыл слова Ползункова (Ползунков). – Знаешь, душечка, это кто? – заговорил наконец старик, освобождаясь от **смеха**. – Кто? (Чужая жена и муж под кроватью) **Смех**, раздававшийся кругом нас и который она умела-таки вызвать, только поджигал ее на новые шалости (Маленький герой). – Наутро я вышел по городу побродить, – продолжал князь, лишь только приостановился Рогожин, хотя **смех** все еще судорожно и припадочно вздрагивал на его губах <...> (Идиот). – Знаете, для чего я сейчас солгала? – вдруг обернулась она к князю с самою детскою доверчивостью и еще со **смехом**, дрожавшим на ее губах (Идиот). Нервный, неслышный **смех** порывался из его груди (Вечный муж). – Знаете, мне со вчерашней ночи ужасно хочется смеяться, всё смеяться, беспрерывно, долго, много. Я точно заряжен **смехом**... (Бесы) В его голосе сверкал милый, дружественный, ласкающий **смех**... (Подросток)

Конечно, принимая во внимание всю важность смеха, которую уделял ему Достоевский, в текстах писателя просто не могло не встретиться высказываний афористического характера с этой идиоглоссой. Больше всего афоризмов со словом *смех* в «Подростке», что, по всей видимости, не случайно:

[Аркадий] Чаще всего в **смехе** людей обнаруживается нечто пошлое, нечто как бы унижающее смеющегося, хотя сам смеющийся почти всегда ничего не знает о впечатлении, которое производит. Точно так же не знает, как и вообще все не знают, каково у них лицо, когда они спят; **Смехом** иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете всю его подноготную. Даже бесспорно умный **смех** бывает иногда отвратителен. **Смех** требует прежде всего искренности, а где в людях искренность? **Смех** требует беззлобия, а люди всего чаще смеются злобно. Искренний и беззлобный **смех** – это веселость, а где в людях в наш век веселость, и умеют ли люди веселиться?; Но я понимаю лишь то, что **смех** есть самая верная проба души. Взгляните на ребенка: одни дети умеют смеяться в совершенстве хорошо – оттого-то они и оболъстительны.

Встречаются, тоже в основном в романе «Подросток», и высказывания афористического типа с глаголом смеяться:

[Аркадий] <...> если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеями, а высмотрите лучше его, когда он смеется. Хорошо смеется человек – значит хороший человек; Чрезвычайное множество людей не умеют совсем смеяться. Впрочем, тут уметь нечего: это – дар, и его не выделаешь.

Языковая личность Достоевского – это прежде всего Homo Ridens, человек смеющийся. Конечно, смех Достоевского амбивалентен, как и вообще любой смех, но у писателя явно преобладает тот, который скорее соотносится с радостью, весельем, т. е. тот, который не отрицается христианством. И если бы у Достоевского не было такого смеха, то осталось бы «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен» Кириллова («Бесы»).

Известно, что перед уходом из Ясной Поляны Лев Толстой перечитывал «Братьев Карамазовых», даже взял книгу с собой. Он записал в свой дневник 12 октября 1910 г.: «Хороши описания, хотя какие-то шуточки, многословные и мало смешные, мешают» [Толстой: URL]. Действительно, Толстому в момент ухода из Ясной Поляны в поисках помощи старцев смех был явно ни к чему. А между тем у Достоевского «Возбуждение сострадания и есть тайна юмора» (это слова само-

го писателя, не персонажа, сказанные в одном из его писем), возможно, в этом и состоит главное в личности Достоевского.

В завершение приведу слова Р.Г. Назирова, как нельзя лучше иллюстрирующие описанные выше наблюдения: «От начала и до конца, при всех изменениях, главным в его <Достоевского> творчестве оставался то приглушенный (редуцированный), то по-новому выявленный прославляющий смех, смех сострадания и сочувствия к искаженной человечности. Юмор Достоевского – это прежде всего и более всего улыбка печальной любви при виде человечески священного в его неотъемлемо-земной, смешной форме» [Назирова 1982: URL].

ЛИТЕРАТУРА

- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Карасёв Л.В.* Философия смеха. М.: Изд-во РГГУ, 1996. 222 с.
- Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л.* Homo Ridens // Слово Достоевского. М.: Ин-т русского языка РАН, 1996. С. 160–186.
- Кунильский А.Е.* Смех Достоевского: прав или не прав Бахтин // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 148–154.
- Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. Т. 1: 1821–1864 / Сост. И.Д. Якубович и Т.А. Орнатская; под ред. Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридлендера. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1993. 544 с.
- Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. Т. 2: 1865–1874 / Сост. И.А. Битюгова, В.А. Викторovich, Е.И. Кийко, Т.А. Орнатская; ред. Н.Ф. Буданова, Г.М. Фридлендера. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. 586 с.
- Назирова Р.Г.* Творческие принципы Достоевского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 160 с. nevmenandr.net/scientia/nazirov-book.php (дата обращения: 18.11.2017).
- Сараскина Л.И.* Достоевский в Японии: Стукнуться о «Бесов». www.pravmir.ru/dostoj-skij-v-yaponii-stuknutsya-o-besov-video/ (дата обращения: 15.11.2017).
- Толстой Л.Н.* Дневник 1910 г. tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevniki/1910/dnevnik-1910.htm (дата обращения: 17.11.2017).

REFERENCES

- Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Leningrad. Nauka Publ. 1972–1990.
- Karasev L.V. (1996) The Philosophy of Laugh. Moscow. RGGU Publ. 222 p.
- Karaulov Yu.N., Ginzburg E.L. Homo Ridens. In: The Word of Dostoevsky. Moscow. Institute of Russian Academy of Sciences. 1996, pp. 160–186.
- Kunilsky A.E. The Laugh of Dostoevsky: Was Bakhtin Right or Wrong. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2007. No 4, pp. 148–154.
- The Chronicle of Life and Creativity of F.M. Dostoevsky: In 3 vols. Vol. 1: 1821–1864 / Comp.by I.D. Yakubovich and T.A. Ornatsky; ed. by N.F. Budanova and G.M. Friedlander. St.-Petersburg. Humanitarian Agency “Academicheskyy proect” Publ. 1993. 544 p.
- The Chronicle of Life and Creativity of F.M. Dostoevsky: In 3 vols. Vol.N2: 1865–1874 / I.A. Bityukova, V.A. Shmakov, E.I. Kiiko, T.A. Ornatsky; ed. by N.F. Budanova and G.M. Friedlander. St.-Petersburg. Humanitarian Agency “Academicheskyy proect” Publ. 1994. 586 p.
- Nazirov R.G. (1986) Creative Principles of Dostoevsky. Saratov: Saratov State University Press. 160 p. nevmenandr.net/scientia/nazirov-book.php (date accessed: 18.11.2017).

Saraskina L.I. Dostoevsky in Japan: to Bump on “Demons”. www.pravmir.ru/dostoevskij-v-yaponii-stuknutsya-o-besov-video/ (date accessed: 15.11.2017).

Tolstoy L.N. Diary, 1910. tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevniki/1910/dnevnik-1910.htm (date accessed: 17.11.2017).

Сведения об авторе:

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт
русского языка им. В.В. Виноградова, РАН

Igor V. Ruzhitskiy,
Doctor of Philology
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University, Vinogradov
Institute of the Russian Language, RAS
konnitie@mail.ru